

2014-й – ГОД КУЛЬТУРЫ

ВЫШНИЙ-ВОЛОЧЕКЪ. Церковь Петра и Павла.

22 апреля 2013 года президент подписал указ о проведении в Российской Федерации Года культуры. В документе говорится, что Год культуры будет проведен с целью «привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире». Очень правильные слова, если обратиться к состоянию культуры в нашем регионе, в нашем городе. О состоянии памятников архитектуры, например, в Вышнем Волочке вообще говорить не приходится. Часто в средствах массовой информации и от представителей общественности можно услышать слова о низком уровне духовности и нравственности в нашей стране, об отсутствии национальной идеи, идеологии. Не менее часто звучат высказывания и об отсутствии культуры.

И все-таки попробуем разобраться, насколько для нас важно проведение Года культуры в масштабах государства?

Сразу же возникает вопрос: что такое культура и о чем, собственно, идет речь? Выясняется, что научное сообщество до сих пор еще не сформулировало универсального определения этому явлению. В основном под культурой понимают человеческую деятельность в её самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений. Знаменитый литературовед и культуролог Юрий Михайлович Лотман дал следующее определение культуры: это «совокупность генетически наследуемой информации в области поведения человека». В более узком смысле культуру понимают также как практическую реализацию духовных ценностей.

Но какие именно ценности декларируются и объявляются общенациональными в 2014 году? Четкого ответа в официальных документах мы найти не можем, так же как не можем найти ответ, год какой именно культуры будет проводиться для граждан России. Ведь культуру подразделяют на массовую, традиционную и элитарную. Ни для кого не секрет, что массовая культура в государственной поддержке не нужда-

ется, это индустрия, живущая по рыночным законам, где конкуренция является главной движущей силой, а получение максимальной прибыли является главным критерием эффективности.

Другое дело, если речь идёт об элитарной культуре, создатели, хранители и распространители которой, безусловно, нуждаются в более широкой аудитории и которые, в конечном итоге, несут высшие общечеловеческие ценности. Философы рассматривают элитарную культуру как единственно способную к сохранению и воспроизводству основных смыслов культуры и обладающую рядом принципиально важных особенностей: сложностью, специализированностью, креативностью, новационностью; способностью формировать сознание, готовое к активной преобразующей деятельности и творчеству в соответствии с объективными законами действительности; способностью концентрировать духовный, интеллектуальный и художественный опыт поколений; наличием ограниченного круга ценностей, признаваемых истинными и «высокими».

Кроме того, В. В. Путин подписал закон о ежегодном представлении в парламенте правительственного доклада о состоянии культуры в России. Этот нормативный акт предусматривает «разработку ежегодного государственного доклада для представления объективной систематизированной аналитической информации о состоянии культуры в России и тенденциях ее развития».

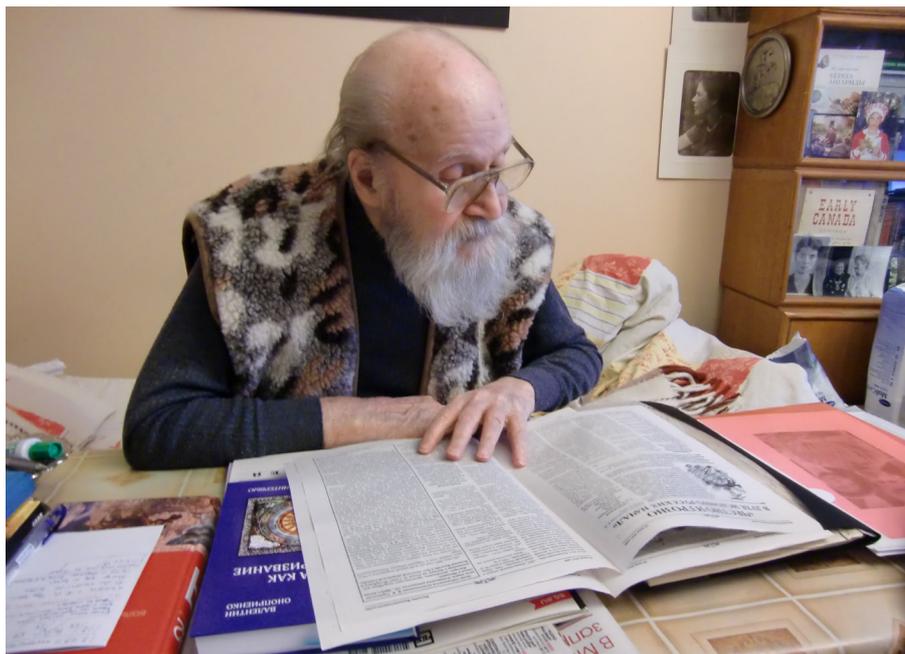
Доклад правительству должно представлять обеим палатам Федерального Собрания не позднее 1 сентября года, следующего за годом, за который представляется информация.

Закон вступает в силу 1 января 2014 года.

Возможно, аналитическую работу нужно было провести заранее и более четко сформулировать, какие ценности будут являться общенациональными, какую поддержку они должны будут получить. Главное, чтобы очередная хорошая идея не стала предметом политической спекуляции, а действительно послужила толчком к появлению в обществе высоких нравственных и духовных ориентиров.

Евгений КОПЫЛОВ,
научный сотрудник
Вышневолоцкого
краеведческого музея

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ГАЗЕТЫ

В апреле этого года в краеведческом музее планируется провести конференцию, посвященную столетию нашего земляка, известного ученого Бориса Сергеевича Соколова (1914–2013). Соберутся люди, с которыми он был знаком лично, общался, вел переписку. Разумеется, будут прочитаны доклады о его научной деятельности, о его вкладе в развитие отечественной науки. А мне хочется рассказать о так называемых маргиналиях – заметках, которые Борис Сергеевич делал на полях нашей газеты. Например, к июньскому номеру 2012 года...

Заметки сделаны чернилами, мелким, четким почерком человека, привычного к научной работе. Краткость замечаний говорит об умении правильно организовать процесс обработки огромных потоков информации, с которыми на протяжении всей жизни работал ученый.

Как член редколлегии газеты, все материалы он читает внимательно, выделяя наиболее важные информационные моменты, реперные точки, если провести аналогию с геодезией. В дальнейшем они помогают ему ориентироваться по материалам газеты, к которым он регулярно возвращается. Просматривая статьи с его заметками, словно совершаешь заочное путешествие с компетентным собеседником, например, по железной дороге, отмечая детали, проскочившие мимо сознания при первом чтении. В статье Г. Г. Монаховой «Всех воодушевляла важность дела», посвященной строительству Николаевской железной дороги, он подчеркивает высказывание местного жителя, который говорит, что «бесовскую силу зачурали в котле, ей выхода нет, вот она поневоле и работает». И соглашается, что долгое время в народе было не слишком хорошее отношение к новому виду транспорта – «Железная дорога – от беса!». Как палеонтолог, он отмечает, что «при строительстве железной дороги между Вышним Волочком и Тверью были найдены клыки мамонта и носоро-

га». Прочитав статью, он делает запись: «Мой отец Сергей Борисович Соколов всей своей медицинской работой был связан с железнодорожными станциями в Вышнем Волочке и Академической. За эту деятельность он получил награду – орден В. И. Ленина – одним из первых!

Молодой краевед Екатерина Дмитриева опубликовала в этом номере материал о вышневолоцанах, захороненных во Франции на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Это была ее первая публикация в нашей газете, но она не осталась без внимания академика. Он пишет: «Я был на этом кладбище с П. Н. Семеновым-Тянь-Шанским весной 1974 года. Его отец или дядя, сейчас точно не могу сказать, был священником на этом кладбище. С П. Н. познакомился в 1971 году, он был участником 1-го Международного симпозиума кораллистов, организованного мною в Академгородке в 1971 году. С тех пор прошло уже два международных симпозиума в разных странах, последний был в Бельгии, в Льеже, в 2011 году. Получил отсюда приветствие с 90 автографами. В 2015 году будет симпозиум в Аддис-Абебе. А моей литературной основой изучения ископаемых кораллов стали книги профессора геологии и палеонтологии Казанского университета А. А. Штукенберга (сына Антона Ивановича Штукенберга), из научной школы которого вышел и мой учитель профес-

сор М. Э. Янишевский – заведующий 1-й университетской кафедрой палеонтологии Ленинградского государственного университета».

Много пометок сделано в статье Б. К. Виноградова «...Согласен дать ему свободу за 2000 рублей». Статья посвящена вышневолоцким ученикам художника А. Г. Венецианова.

Б. С. Соколов пишет: «Виноградов мой хороший знакомый, как геохимик – выпускник кафедры ЛГУ, учился одновременно с моей племянницей Ириной Львовной Жулановой. В 2002 году он и Д. Л. Подушков, тоже мой друг, устроили мне поездку к художнику А. Г. Венецианову и путешественнику В. И. Роборовскому на кладбище Удомельского района. В Западном Китае – Центральной Азии – я пересекал и пути Роборовского (смотрите мой очерк), и Н. М. Пржевальского. Был и у памятника последнему на Иссык-Куле».

Та давняя поездка по Вышневолоцкому уезду надолго осталась в памяти Бориса Сергеевича. Он возвращается к

прочитанной статье и приписывает: «Был и у большого памятного креста на дороге в память Григория Сороки».

«Превосходно! – написал он о публикации главы из книги Л. Е. Смирновой «Имею честь быть русским!». – Замечательную книгу об отце Л. Е. Смирновой сразу же получил от Бориса Николаевича Кузнецова. Прочел всю сразу и написал автору, с которым вступил в переписку. Получил уже два письма».

После некоторых материалов на полях сделаны короткие эмоциональные оценки. «Молодец Денис! – пишет Борис Сергеевич свой отклик о статье вышневолоцкого краеведа Дениса Ивлева «Список захоронений Пятницкого кладбища города Вышнего Волочка». В статье журналиста Николая Смирнова «Вторая Чесменская победа» есть фрагмент, где рассказывается о пренебрежительном отношении депутатов Государственной Думы к инициативе введения Дня воинской славы – победы Российского флота над турецким флотом в сражении при Чесме. Эти строки взволновали Бориса Сергеевича, вызвали недоумение. «Стыдно!» – пишет он на полях газеты.

Закончив чтение, он возвращается на первую страницу: «Прочитал весь номер от строчки до строчки! Очень благодарен Б. Н. Кузнецову за его инициативу основать газету на базе Вышневолоцкого краеведческого музея. Эта провинциальная краеведческая газета имеет несомненное культурное значение всероссийского масштаба».

Приятно услышать такую оценку из уст действительного члена Российской академии наук, но меня больше всего поразило, как это он умудрился сделать столько интересных заметок на полях нашей небольшой газеты.

Владимир СОЛОВЬЁВ
Фотография А. П. Черникова,
2011 год

На каких принципах базируется краеведение?

В 2008 году, во время церемонии награждения победителей III Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие», я получил для публикации в журнале «Диалог культур» статью Владимира Александровича Гуркина «Краеведение как показатель зрелости науки». На тот момент она представлялась мне довольно точным анализом взаимоотношений науки и краеведения в XX веке. Единственно, чего не хватало для полноты картины и отражения традиций российской бесхозяйственности, так это

замечания барона Николая Николаевича Врангеля, сетовавшего в 1912 году(!): «Благодаря русской расточительности, за последние 50 лет безвозвратно утрачены сотни памятников усадебно-ландшафтной архитектуры» (Николай Врангель «История русских усадеб и поместий»).

Двадцать первый век вместе с чиновно-бюрократической формой капитализма принёс в Россию новые формы взаимоотношений во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в краеведении. Сегодня уже нельзя согласиться с В. А. Гуркиным, что краеведение базируется только на «основах взаимоуважения и взаимопомощи». Как показывает анализ издаваемой краеведческой литературы, краеведение всё чаще используется как средство политического пиара или коммерческой деятельности. Портреты глав регионов, муниципалитетов и прочих «имеющих деньги» структур смотрят со страниц большинства якобы краеведческих изданий, накладывая на авторов обязанность определенного искажения современной истории в пользу конкретных личностей и текущей политической ситуации. Местные купчики, имея достаточно средств на покупку учёных званий, протаптывают себе дорожки и в творческие союзы, присваивая результаты исследований менее амбициозных и менее удачливых сограждан.

Результатом сложившихся обстоятельств стало снижение качества проводимых краеведческих изысканий, их поверхностность и ангажированность. Как следствие, на Всероссийский конкурс краеведческой литературы «Малая родина», проводимый Министерством печати и массовых коммуникаций, со всей огромной России с её 140 миллионами жителей, 87 регионами и почти 3 тысячами муниципальных образований удаётся собрать не более 400 изданий! То есть в среднем одно муниципальное образование в России лишь один раз за 7 лет и шесть месяцев выпускает краеведческое издание, достойное участия в конкурсе. И это несмотря на то, что в каждом регионе, в каждом муниципалитете по статье якобы краеведческих изданий тратятся ежегодно вполне приличные деньги. Такие вот невесёлые размышления о российском краеведении в XXI веке даёт современное прочтение статьи В. А. Гуркина.

Будем надеяться, что обозначенные процессы были явлением временным и не являются целенаправленным развалом русского национального самосознания, уважения к собственной истории. Тогда, возможно, и краеведение снова вернётся на «основы взаимоуважения и взаимопомощи» всех неравнодушных граждан пока ещё великой страны.

Сергей МЕДВЕДЕВ

Письма из блокады

Как легко пишутся письма сегодня. Поработал на клавиатуре букв и цифр, нажал кнопку, и полетело твоё письмо в мировую информационную сеть, точно угадывая место приземления, даже через тысячи вёрст.

А передо мной – пожелтевшие листочки, написанные ручкой, карандашом, фло-

хими чернилами почти семьдесят пять лет назад. На одном из писем приписка: «Посылаю без марки, может быть, дойдёт». Это писали мама моя и папа своей маме и теще, моей бабушке в Сталинабад (ныне Душанбе), оба они называли её в письмах «Родная!». Бабушка сохранила письма 1941 года, и они стали в нашей семье реликвией, жестоким реликвией войны.

Мы жили в одной из коммунальных квартир Ленинграда на Петроградской стороне (Успенский переулок, дом 5/15, кв. 3). Папа работал слесарем-сборщиком 6-го разряда, получал зарплату, которая позволяла содержать семью, где было уже двое детей, а 2 апреля 1941 года моя 29-летняя мама родила дочку.

Папа писал в те дни своему отцу в Батуми:

«...Роды прошли удачно, рожала она в том же родильном доме, где рожала Эли и Жору, там она уже свой человек...»

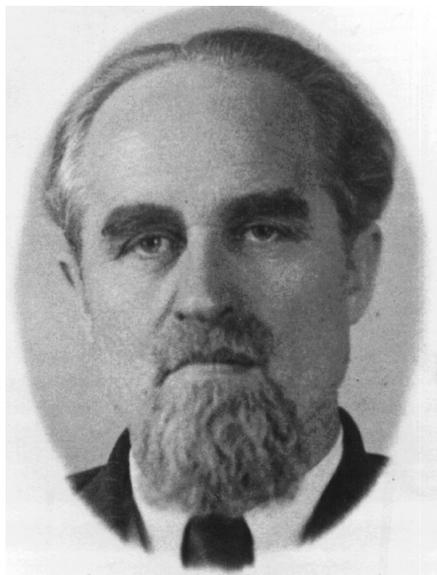
Мама пишет:

«Здравствуй, Родная! Разрешилась я девчонкой, что огурчик, 3 кг 300 грамм, крепенькая. С белым пушиком на голове... Иосиф взял отпуск и ухаживал за ребятами прекрасно – кормил, возил в цирк, приходил ко мне по два раза в день... Девчушку все зовём Иринкой, но Старик (батумский дедушка) просит назвать её именем своей матери – Беатрисса... Не знаю – сложное имя, и обидеть старика не хочется, там посмотрим... Ребята от девочки в восторге – живая игрушка!... Сейчас только принесли деньги от тебя. Не знаю, как и благодарить, пусть будут на счастье третьего ребёнка...»

5 апреля 41 года. Катя».

Окончание на 6–7-й стр.

Вышневолоцкий мещанин Александр Алексеевич Березин (1897–1969)

Родился 20 апреля (2 мая по новому стилю) в семье Алексея Алексеевича и Марии Ивановны Березиных в г. Вышний Волочек Тверской губернии.

Отец, Алексей Алексеевич Березин, работал на разных должностях в мещанской, земской и городской управах Вышнего Волочка. Мать, Мария Ивановна (Синькова), была домохозяйкой. Александр Алексеевич был старшим ребенком в семье, в которой было еще пятеро детей: Екатерина, Валентин, Мария, Михаил и Борис.

Семьи Березиных и Синьковых были коренными жителями Вышнего Волочка. Алексей Александрович Березин (1828–1915) (дед Александра Алексеевича) 25 лет прослужил николаевским солдатом, многие годы был бухгалтером Вышневолоцкого отделения Государственного банка. За 50 лет безупречной службы получил звание личного почетного гражданина.

Случай свел нас с Виталием Борисовичем Березиным, родственником одного из вышневолоцких жителей, волею судеб покинувших наш край много лет назад. Он принес в редакцию газеты «Наследие Вышневолоцкого уезда» воспоминания Александра Алексеевича Березина, которые бережно сохранил и намерен издать отдельной книгой. Часть этих воспоминаний мы решили опубликовать в нашей газете, поскольку они затрагивают значительный пласт вышневолоцкой истории. О себе Виталий Борисович сообщил, что родился в 1948 году во Владивостоке, в семье младшего брата автора воспоминаний А. А. Березина Бориса Алексеевича и его жены Евдокии Гавриловны. По специальности он инженер-электрик по системам автоматического управления. Работал в научно-исследовательских и учебных институтах Москвы. Кандидат технических наук. В настоящее время работает в отрасли промышленной автоматизации. Проживает в городе Железнодорожном Московской области.

Александр Алексеевич учился сначала в начальном, затем в реальном училище, которое окончил в 1914 году, затем поступил в Киевский политехнический институт имп. Александра III на агрономическое отделение. В 1916 году он был мобилизован в армию и, по окончании Петергофской школы прапорщиков, был направлен на фронт. После февральской революции переехал в Киев, продолжил обучение. В 1918 году был мобилизован в армию гетмана Скоропадского. Служил в артиллерийском дивизионе на Подоле. Судьба этого дивизиона описана в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия».

После установления советской власти в Киеве был мобилизован в Красную Армию.

В 1919 году был арестован, но через два месяца освобожден. До конца гражданской войны служил в армии.

После демобилизации Александр Алексеевич продолжил обучение и поступил в сельскохозяйственную академию им К. А. Тимирязева в Москве, окончил её. Во время коллективизации был мобилизован как агроном для работы в колхо-

зах на северном Урале. В дальнейшем он преподавал химию в московских вузах: торфяном, химического машиностроения. Заведовал кафедрой химии и аспирантурой.

Вместе с женой Татьяной Никитичной Александр Алексеевич вырастил двоих детей – Елену и Андрея, которые сейчас проживают в Москве. Елена Александровна окончила филологический факультет МГУ, преподавала в московских институтах русский язык. Андрей Александрович окончил МИЭМ (Московский институт электроники и математики), кандидат физико-математических наук. Работал в московских научно-исследовательских институтах и в Принстонском университете (США).

Александр Алексеевич оставил воспоминания начиная с 1905 года и успел довести их до 1930 года. Он оказался участником и свидетелем грандиозных исторических событий в России 1905, 1914 и 1917 годов. Он подробно описывает быт и нравы, особенно мещанского сословия, Вышнего Волочка начала XX века.

Виталий БЕРЕЗИН

Воспоминания

Мещанское сословие

Наш род ведет начало от мещан города Вышнего-Волочка Тверской губернии. Так как о мещанах написано много всяких глупостей, считаю долгом сделать некоторые пояснения.

Мещанским сословием, или мещанами, принято было в Империи называть исконно городских жителей, обычно имеющих мелкую собственность (дом, скотина) и живущих различными ви-

дами городского труда, преимущественно ремесленного или фабрично-заводского (рабочие). На социальной лестнице Империи мещане являлись одним из низших податных сословий, названным так потому, что они выплачивали налоги (подати) так же, как их выплачивало крестьянство в пореформенное время. Однако, в отличие от крестьян, мещане никогда не были крепостными («вольница»). Мещане,

как и крестьяне, частенько подвергались телесным наказаниям.

Обычно мещан, кроме рабочих, относят к «мелкобуржуазным элементам», хотя четкого определения этого понятия не имеется. Как можно считать мелкой буржуазией моих соседей, двух старух Галкиных, которые торговали около казёнки лежащими на чистой тряпочке, на ящичке, мелкими кусочками черного хлеба с огурцом, по копейке каждый?

Ведь нетрудно подсчитать, что они наживали при этом сотни процентов, но в карман-то их попадали гроши благодаря малому «обороту капитала». Можно ли причислить без оговорок мещан Макара Девушкина и Акакия Башмачкина к мелкой буржуазии?

Вышний-Волочёк

Вышний-Волочёк расположен почти на полпути между Петербургом и Москвою по Николаевской железной дороге и по очень хорошему шоссе. Он находится на водоразделе рек Тверцы (приток Волги) и Мсты (водный путь к Новгороду). Население его занималось «волоком», то есть перевозом грузов посуху из Тверцы во Мсту.

При Петре Великом был построен Вышневолоцкий соединительный канал, давший возможность бесперевалочно-го сообщения по каналу крупных судов. Сохранился строгий указ Петра о явке с лопатами и лошадьми на «землекопательную работу государеву». А кто не явится, тот будет «нещадно бит батогами». Вышневолоцты пробовали протестовать

как вымирание коренного населения от сырости и болотных «миазмов». В настоящее время более правильно рассматривать убыль населения не как вымирание, а как отлив его в поисках работы.

К счастью, это падение населения довольно быстро сменилось ростом, что современники правильно объяснили притоком рабочей силы. Это вполне согласуется с тем, что уже на заре капитализма в Вышнем-Волочке быстро выросла текстильная промышленность (фабрики Прохорова и Рябушинских), силикатная, лесообрабатывающая. К концу 19 века он стал настоящим промышленным городом с 17 тысячами населения, в котором преобладали рабочие.

Канал целиком сохранялся вплоть до революции «на приколе», когда я последний раз был на родине (1919 г.). От него остались очень добротные гранитные набережные, наподобие невских, много плотин со старинными названиями (бейшлоты, шандоры), очень хорошее водохранилище, окруженное велико-лепным сосновым бором, много затонов, мостов, главным образом деревянных (из

ния в военно-топографическое училище. В этом училище было достигнуто хорошее сочетание теории с практикой, велась подготовка топографов на высоком уровне. Окончившие училище делались квалифицированными топографами и работали во многих округах путей сообщения. Они допускались к экзаменам на техника путей сообщения, что, однако, не давало им прав среднего образования. Говорили, что другое такое училище было в городе Лепеле. После революции это училище было превращено в техникум, и дальнейшая его судьба осталась для меня неизвестной.

В городе до революции действовал любительский театр, руководимый энтузиастом из купцов Демидовым, а также два синемаатографа. Проживало много лиц, потерявших право на проживание в столицах, но связанных с ними своей деятельностью. Иногда при них работали даже небольшие канцелярии.

Наша родословная

Дед мой, Березин Алексей Александрович, коренной мещанин Вышневолочка, родился в 1828 году, был николаевским солдатом, прослужившим на военной службе 25 лет. Я застал его на склоне жизни бухгалтером Вышневолоцкого отделения Государственного банка. Он имел настолько хороший почерк, что писал для детей прописи не хуже последующих печатных.

Дед был умеренно религиозным человеком, хотя священнослужителей не любил. Последнего царя он не почитал, называя его «Николашкой», и часто ругал за неполадки в государстве. Дед писал заметки на бытовые темы в «Тверскую газету» и вел дневник, который до меня не дошел и пропал во время войны. Я помню деда со времени выхода его на пенсию. Это был красивый, статный старец с бородой, в последние годы почти полностью потерявший зрение (катаракта). Он прослужил на государственной службе более 50 лет, не имея чина, и за долгую беспорочную службу получил звание личного почетного гражданина и приличную пенсию.

Дед был страстным голубеводом, до самой слепоты держал и гонял голубей. Он умер в середине империалистической войны (1915 г.). На похоронах его ко мне подошел неведомый старичок и спросил, кого хоронят. Я ответил. Старичок перекрестился и сказал: «Царство ему небесное, умный человек был, министром бы ему надо быть».

Бабка моя, Александра Кузьминична, также мещанского рода, очень добрая женщина, много страдала тяжелой формой подагры и могла передвигаться только с большим усилием и болью. По этой же линии была еще жива прабабка Паша, крупная и статная старуха в старобрядческом одеянии; она жила отдельно от нас в своем маленьком домике в Солдатской слободе.

(Продолжение следует)

Ю. Подляский «Старый Вышний Волочек», 1953 г. Живописный отдел музея.

(они лишались основного заработка), писали челобитную царю и даже совершали вредительские действия, засыпая канал землёю в ночное время. Но канал был построен. Он успешно проработал до середины 19 века, до открытия железной дороги Петербург–Москва, после чего работа канала стала быстро сокращаться и он был закрыт. Проведение железной дороги тяжело отразилось на жизни мещанства города. Прежде всего, оказалось без работы большое количество жителей, обслуживающих сложное хозяйство канала. Кроме того, открытие дороги одновременно и быстро вызвало ликвидацию ямского (ямщицкого) промысла на шоссе-йной дороге, которым жила целая ямская слобода. К тому времени относятся данные об уменьшении городского населения, выразившемся не только в уменьшении естественного прироста, но и в падении ниже этого уровня, что расценивалось некоторыми современниками

«морёного дуба»).

Промышленные предприятия располагались в слободах (Солдатская, Грабировка, Таболка) и часто были малозаметными. Обилие воды и зелени придавало красоту городу, привлекало много дачников из Петербурга.

К 1907 году в городе появились асфальтовые тротуары, был проведен телефон, стала выходить газета «Вышневолоцкий голос». В городе было открыто реальное училище, женская гимназия (на основе прогимназии), учебно-ткацкая мастерская для подготовки мастеров по крашению тканей. Мне очень приятно было прочитать в одном из старых (послереволюционных) справочников по Москве об открытии в столице филиала этой школы.

Гордостью Вышне-Волочка являлось училище кондукторов путей сообщения – полувоенное училище, на правах низшего, но с правом поступле-

Письма из блокады

(Окончание. Нач. на 3-й стр.)

В мае 1941 года бабушка была у нас в гостях.

19 июня 1941 года мама пишет:

«На 13-ый день твоего отъезда у Иоси на работе брызнуло олово в лицо, обгорели здорово лоб, под глазом и руки. Сейчас он снова на работе».

Помню... Папа приходил с работы, открывал дверь, я уже стояла у порога, он подхватывал меня сильными руками, кидал вверх, а я кричала от восторга. Я помню это и сейчас, когда мне 80 лет.

Мама очень любила меня, помню её крепкие объятия, помню тёплую булочку, облитую белой глазурью, которую она по утрам приносила из булочной специально для меня.

«Опять балуешь девчонку, Катя...» – ворчал папа, а мама не возражала. Как будто знала, что недолго сможет побаловать дочку...

22 июня началась Великая Отечественная война. Она растянулась на 1418 дней и ночей. 872 дня из них длилась ленинградская блокада. Через полгода из нашей семьи в живых осталась одна я...

Письмо без даты:

«...Когда теперь увидимся! Проклятый немец. Мало ему крови, ещё надо, но наша армия даст ему отпор, хоть он и силён. Надо будет, пойду на защиту нашего Л-да, ребят куда-нибудь устройю, сегодня пойду рыть окопы... Через каждые десять дней буду давать тебе телеграммы и ты в свою очередь... Не волнуйся – наша армия не сдаст Л-да! Мужчины из нашей квартиры уже ушли на фронт... Иосифу вчера дали отсрочку... В нашем доме образцовая дисциплина. Будем надеяться на скорую встречу...»

Этой надежде не суждено было сбыться...

Письмо без даты:

«Отец бросил всех и ушёл на фронт добровольцем, в настоящий момент он в лагерях на учёбе, но адреса не знаю ещё...»

В этом же письме мама сообщает бабушке:

«Эли уехала со школой в лагерь. Только сегодня имею её адрес: МЖД, ст. Боровичи, Мошинский район, Семеновский сельсовет, Климовская НСШ, 1 класс».

Вместе с письмами хранились у бабушки и телеграммы – каждая из них документ истории почтовой связи в годы войны. На чём только не наклеивали телеграфные ленты. Были ещё и довоенные бланки. А были и листы из книг на разных языках.

Сохранились короткие телеграммы, вот три из них:

«Иосиф ушёл добровольцем»;

«Иосиф фронте здоров».

14 октября 1941 года в Сталинабад ушла телеграмма:

«Деньги получила. Спасибо. Здоровы. Целуем Иосифа нет».

В электронную Книгу памяти на Пискаревском кладбище в Ленинграде занесено имя моего папы, погибшего на Пулковских высотах...

25 июля 1941 года

«Здравствуй, Родная! Что я пережила за 20 дней – не опишешь. Счастливей дня не было в моей жизни, когда я снова обняла Эли, мою родную. Она похудела, вытянулась, вся чёрная. Вошла в дом, села к пианино (этот инструмент пережил блокаду, он стоит в моём доме в п. Фирово), и снова ожил дом. Плачет, что не застала отца на один день. Всё это время он был в Ленинграде, мы с Жориком к нему ходили, а Эли он так и не дождался... Жизнь у нас стала дороже: масло – 50 руб., сахар – 15 руб., годы 18 руб., а хлеба дают столько, сколько я беру на три-четыре дня. Вещь не выбираю (читаю эту строку с ужасом, зная сейчас, что будет в городе совсем скоро...). Живём в полной надежде на скорую победу. Скорей бы сломали этому извергу, проклятому Гитлеру шею. Сколько крови пролил, сколько слёз, горя. У всех на устах одно проклятие палачам. Интересно, сколько дней будет идти письмо? Будь здорова, целуем крепко».

Катя, Эли, Жорик, Иринка».

В этом письме имена моих самых родных людей, от двух из них не сохранились даже фотографии.

В жизни, когда бывали тяжёлые мгновения, часто думала: вот были бы рядом брат, сестра. Какими они были бы?! Думаю об этом, но реально представить себе их взрослыми людьми не могу.

В письме от 2 мая 1941 года мама из больницы, куда она попала в связи с вос-

палением грудницы, написала бабушке такую фразу: «На скорой привезли в б-цу Эрисмана. Я подумала, что умру, и первый раз в жизни ощутила весь ужас – а что будет с ребятами?» Это было предчувствие предстоящей трагедии?

10 мая 1941 года папе исполнилось 39 лет, он был старше мамы, но это не мешало им любить друг друга и очень любить детей. А они, как и все дети на свете, болели. Простудились озорник Жорка, хотели сделать ему переливание крови, но обошлось всё банками. Эли тоже пролежала пятидневку с ангиной. Мама пишет: «прокляла себя за то, что не использовала момента твоего отпуска у нас, чтобы вырезать ей гланды. Ребята проболели и похудели...»

Из квартиры в июле-августе выезжали наши соседи. Видимо, собиралась уехать и мама с нами, но 28 августа ушла в Сталинабад телеграмма:

«Остались дома. Дети поправились. Получила ли письма. Иосиф фронте здоров».

Сохранилась открытка от 21 октября 1941 года:

«Здравствуй, наша Родная! Вчера получила деньги от тебя, большое спасибо. Дети пока здоровы, кроме Жорика, ему необходима операция, он страшно исхудал, а в настоящее время я не могу отдать его в больницу. Иосиф, бедный, погиб на фронте. Проклятый изверг бросил гранату. Пусть будут прокляты сволочи, отнявшие у троих малюток дорогого отца. Не могу больше писать...».

Зима сорок первого года, самая страшная зима блокады.

С 20 ноября норма выдачи хлеба по карточкам была сокращена до 125 граммов для детей и иждивенцев. За хлебом в магазин ходила только мама. И в последний день своей жизни она с раннего утра стояла в очереди за хлебом, несколько раз приходила домой, грелась у буржуйки, подпала край шубки. На печке грелись по очереди две половинки кирпичика, одну из них она подкладывала в кровать к братику, к его стынущим ногам... Снова уходила. А потом ушла и не вернулась...

В письме без даты (видимо, это было последнее письмо):

«Здравствуй, моя Родная! Деньги от тебя снова получила и телеграмму. Не надо мне денег... Что делать с деньгами? Мы хотим есть. Хлеба и снова хлеба... На деньги ничего не купишь – мы голодные. Иосиф счастливый, ему завидую каждую минуту. Ирина умирает медленной смертью. На нас жутко смотреть. Я до дурноты хочу есть, другой мысли нет, как есть. Все чувства атрофировались. Письмо это на тебя жутко подействует, если дойдет. У меня опухают ноги, лицо, наверное, от голода, боюсь попасть в б-цу. Ребята не выдержат (второй раз

в письмах возникает эта мысль!). Переживаний жутко много. Спим все вместе, на одной кровати – погибнуть, так всем сразу. Элина кровать в бомбоубежище.

Страшно хочу есть и ни о чём другом не могу думать. Еда для человека всё на свете. Проснулась Иринка, на неё без слёз нельзя смотреть, ей нужно молоко, булка, каша... Ну ладно. Будь здорова.

Целуем крепко Катя, Эля, Жорик и Иринка».

Я не знаю точного дня смерти мамы – самый конец декабря 1941 или первые дни января 1942 года.

Это был страшный день. Соседка пришла вечером с работы и сказала, что мама во время обстрела взрывной волной была брошена на ледяную землю, санитарная машина увезла её в больницу. Люди слышали её шепот: «Спасите. Спасите. Трое детей...»

На долю этой женщины (тётя Маруся Мухина) выпали хлопоты по направлению всех нас в детдома и в дом малютки.

Через несколько дней она на санках отвезла меня во двор больницы Эрисманна, где лежали трупы блокадников. Я увидела сначала мамины косы, обычно собранные в пучок, они, как змеи, лежали на беличьей шубке, её белые фетровые сапожки, и только потом соседка приоткрыла мамино лицо...

медицинской сестры. Главный врач, эвакуированный из Киева, взял на себя роль печального вестника.

Это письмо не сохранилось. Бабушка говорила, что оно помогло позднее добиться пропуска для поездки за внучкой в Красноярский край.

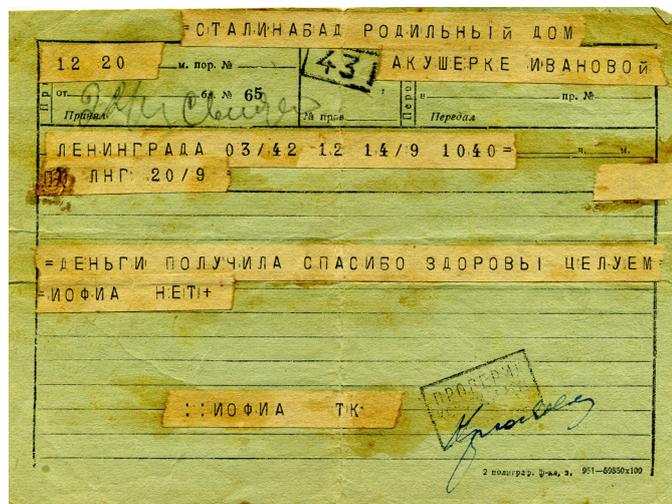
Письма за меня писали бабушке девочки постарше, нянечки, медсестры.

Вот одно такое письмо от 15 июля 1942 года. На листочке штемпель «Просмотрено военной цензурой. Ленинград».

«Здравствуй, дорогая бабушка! Я пишу уже вам третье письмо, а ответа не получаю. Я живу ничего, уже у меня ножки поправляются, и я хожу по лестнице одна... 12 июля ко мне приходила тётя Люля, она была тоже очень больна и раньше ко мне прийти не могла...» (Люля-Елена – младшая сестра моей бабушки. Она прожила в блокаде 872 дня, приняла меня жить к себе на пять студенческих лет (1952-1957г.г.), потом приезжала в Фирово, помогала растить детей. В начале 70-х годов блокада её догнала, и она тяжело уходила из жизни в больнице для блокадников на территории Смольного монастыря).

20 августа 42 г. Ленинград

«Бабушка, я сейчас совсем здорова. Ноги мои могут бегать по дорожке быстро-быстро. Наш детдом всё время эвакуируют, и могла бы эвакуироваться и я, но я жду Жорика, чтобы уехать вместе. Он сейчас находится в больнице, а сестрёнка умерла. Мы будем всё время переписываться и не терять связь. В детдоме кормят нас хорошо, но овощей едим мало, а картофеля совсем, наверное, не увидим. Хлеба дают 300 грамм, каждый день дают масло. Мне очень хочется к Вам...»

На следующий день у меня отнялись ноги...

Нас всех увезли в разные детприёмники, а потом в детдома. Я попала в 64-й детский дом (пр. Карла Либкнехта, д. 29/2), там сразу положили в лазарет, видимо, лечение и спасло мне жизнь.

С помощью добрых людей удалось установить связь с бабушкой. Она долго не получала сведений из Ленинграда, но однажды в республиканский родильный дом пришло письмо – в маленьком самодельном конверте. Адрес был такой: Сталинабад, роддом, бабушке. Когда мама писала письма, именно так она проговаривала адрес бабушки, запомнилось и спасло.

В бухгалтерии письмо вскрыли, прочли, поняли, что речь идёт о родных Марии Иосифовны Ивановой, старшей

Мария Иосифовна! Это письмо пишет Вам медсестра Вера. Не забывайте её. Ваши письма и письма бабушки из Батуми очень радуют её... она всем интересуется...».

Сохранилось хоть имя бескорыстного, делающего доброе дело, человека. Спасибо им всем, спасавшим нас, выживших в годы блокадных испытаний.

Седьмого сентября 1942 года эвакуация состоялась. Нас везли через Ладогу, потом в товарных вагонах, на нарах, в Сибирь, в Красноярский край, который принял в годы войны 120 детских домов.

На станциях поезд наш стоял не минуты – иногда несколько часов. И приходили к вагонам женщины, и несли кто что мог ленинградским детям. Вкусно пахло картошкой из чугунок,

которые женщины прикрывали платками, сохраняя тепло. Кто-то наливал кружку молока, или давал нам с собой целую бутылку, и со слезами смотрели, как жадно всё это мы, вечно голодные, поглощали.

В Красноярске нас присоединили к 47-му детскому дому и привезли в село Вершино-Рыбное Партизанского района.

18 ноября 42 г.

«Пишу ответ за вашу Эличку, т.к. она учится в первом классе, понемногу начинает читать, пишет ещё не все буквы. Пишу под её диктовку. Живём мы в трёх отдельных домах для девочек, мальчиков и малышей. В столовую ходим к малышам. Сейчас никого из детей нельзя переписать...»

Писала няня».

На листочке стоит моя подпись – Эля Франкенберг, видимо, кто-то вошёл мою руку. Кстати, на листочке есть красным шрифтом напечатанные слова: «Товарищу Сталину – отцу и учителю», только письмо написано с другой стороны. Как это цензура не заметила? Кстати, и штемпеля на письме нет.

В Таджикистане бабушка развернула работу и добилась пропуска в Красноярский край. Цель поездки – за внучкой. Пропуск выдан 24 января 1943 года и был действителен по 28 февраля 1943 года. Почти три недели добиралась она до нашего детдома. Её появление было шоком для всех – ведь шла война и мало кто приезжал за сиротами. Бабушка здесь была первой.

Дорога до Сталинабада была долгой и трудной, но 1 марта 1943 года мы с бабушкой уже были на приёме у директора школы, а 3 марта я пошла в первый класс.

Мальчики и девочки меня боялись. Никто не хотел сидеть со мной за одной партией – я была ноголо остриженным ребёнком, дистрофиком. Помирили нас кедровые орешки, привезённые из Сибири.

– А что это у тебя? – спросили мальчики на перемене, с опаской всё-таки приблизившиеся ко мне. Угостила их, и дружба началась, со многими на всю жизнь.

2014 год. 70-летие снятия блокады Ленинграда. Я просмотрела почти все передачи в связи с этой датой.

Мне кажется, отметили дату достойно. Дали слово блокадникам. Документальный фильм «Голоса» поразил искренностью, болью и памятью. У людей моего поколения были и есть навсегда до конца вместе «детство и война»...

27 января 2014 года меня пригласили выступить на общешкольной линейке. Это, поверьте, было очень трудно. Я писала о многих блокадниках в нашей газете, говорила о блокаде на уроках истории. О трагедии нашей семьи очень долго не могла говорить.

Теперь поняла – мы последние блокадники, пора рассказать о том, что знаем мы.

Эльвира РУСАНОВА

Черные суконные шинели...

Г. Ф. Филимонов
д. Пальцево Подольской волости.
Вышневолоцкое полицейское
управление.

(Окончание. Нач. в № 12 (45))

Полицейские урядники

Должность была учреждена 9 июля 1878 года. Они осуществляли надзор за деятельностью сотских и десятских, отвечающих за порядок на своем участке. В среднем на уезд полагалось 11 урядников. Комплектовались они из местных жителей, отслуживших действительную военную службу в унтер-офицерских чинах. Так, например, георгиевский кавалер, герой русско-турецкой войны М. Н. Колокольцов, вернувшись домой, поменял солдатскую шинель на почти такую же полицейскую.

Форма урядников практически не отличалась от формы городской полиции. Из оружия носили шашки такого же типа, как у городовых, и наган в черной кобуре на револьверном шнуру. В особых случаях урядникам разрешалось вооружаться драгунскими карабинами.

Сельские полицейские жили в деревнях и в свободное от службы время занимались крестьянским трудом. Они и вид имели больше крестьянский, чем военный, т. е. носили волосы «не по форме», а зачастую отращивали и бороды. Обязанностей у таких «участковых» было довольно много. В соответствии с инструкцией 1878 года им предписывалось «охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, власти и общественного порядка».

До 1887 года урядники имели полномочия по ведению следствия, поддержке обвинения по уголовным делам, ведению делопроизводства. Также они отвечали за соблюдение санитарных и противопожарных норм. Обязательным требованием было не только физическое здоровье, но и грамотность. Каждый урядник должен был уметь составлять протоколы и обладать правовыми знаниями. Прослужившие пятилетний срок и выдержавшие экзамен, установленный законом, могли быть повышены в классной должности.

Народная память сохранила имена некоторых полицейских урядников: М. Н. Колокольцова из Боронатово, урядников Казикинской волости В. И. Доброхотова (1909), А. И. Болотова (1912), В. А. Михайлова (1913), Г. Ф. Лазарева (1915-16).

Надо заметить, что в вышневолоцких деревнях бытовали довольно суровые законы, которые соблюдались всеми членами сельской общины. Жестоко карались конокрадство, богохульство, блуд и любое нарушение традиционного уклада крестьянского мира. По воспоминаниям стариков, полицейские урядники из местных жителей часто служили в интересах крестьянской общины, вплоть до помощи избежать ареста провинившихся.

Сохранилась история про местного кузнеца Федора. В 1904 году на Мсте в престольный праздник случилась большая драка, в которой участвовали два местных кузнеца, один из которых, Федор, не рассчитав свою силу, ударом кулака убил человека. Ночью к нему пришел полицейский урядник и сказал, что он завтра его арестует. А чтобы этого не произошло, посоветовал уехать в Петербург и записаться добровольцем на эскадру, которую собирали для похода на Дальний Восток (события происходили во времена русско-японской войны). Тем более что тот раньше служил на флоте. Федор не стал мешкать и той же ночью уехал на поезде в Петербург. С ним решил разделить судьбу его друг, тоже кузнец. В столице они записались добровольцами на эскадру контр-адмирала З. П. Рожественского, и оба героически погибли в Цусимском сражении в мае 1905 года.

Становые приставы

Должность становой пристава учреждена в 1837 году в «Положении о земской полиции». Он должен был возглавлять стан – полицейско-административный округ из нескольких волостей. Становой пристав до 1862 года назначался и увольнялся губернатором от имени императора из кандидатов, представленных местным дворянством.

Подчинялся исправнику и земскому суду, а с 1862 года – уездному полицейскому управлению, т. е. уездному исправнику.

Территорию, например, нынешнего Удомельского района охватывал 3-й стан, куда входили Лугининская, Макаровская и Поддубская волости, и 1-й стан, куда входили все остальные волости. Становыми приставами были:

1-й стан: коллежский асессор Николай Дмитриевич Сперанский (1909), проживавший в деревне Бережок Михайловской волости; губернский секретарь Людвиг Донатович Паберж (1912), проживавший там же; губернский секретарь Николай Александрович фон Гинцель (1913), проживавший в Верескунове, а с 1915 года - в Удомле.

3-й стан: губернский секретарь Николай Иванович Тихонов (1909), проживавший в имении Еремково; коллежский регистратор Зинкевич (1912), проживавший там же; исполняющий обязанности коллежский регистратор Харитон Павлович Остроумов (1913), проживавший там же; губернский секретарь Леонид Карлович Пентцлин (1915), проживавший там же. В 1916 году нумерация станов была изменена. Первый стал третьим, а третий – четвертым.

Начальник уездной полиции – исправник обязан был дважды в год провести «обозрение уезда», в ходе которого инспектировал подчиненных становых приставов, которые отвечали за ведение полицейских дел, охрану общественной безопасности, производство дознаний, взыскание пошлин и недоимок. Последние также объезжали свои «владения» зимой в санях, а летом в пролетках, запряженных тройкой коней с колокольчиком и бубенцами. В отличие от их начальника становым приставам кучера не полагалось, и, как правило, полицейский урядник сам управлял лошадьми или брал специально нанятого для этого дела крестьянина.

Вышневолоцкий уезд был разделен на следственные участки. Территория современного Удомельского района входила в 1-й следственный участок, а Овсищенская волость и часть Лугининской относились ко 2-му. При них работали судебные следователи. При 1-м – титулярный советник Михаил Николаевич Соколов (1915), при 2-м – титулярный советник Вячеслав Иванович Рязанцев (1915).

Судебной властью в волостных управах были наделены земские начальники. Они выдвигались из дворян губернатором и имели полномочия рассматривать гражданские дела на сумму до 300 рублей и некоторые уголовные.

Леонид КОНСТАНТИНОВ,
художник, краевед

Издатель и главный редактор Б. Н. Кузнецов	Редколлегия: Г. Г. Монахова, Н. С. Соболевская, Е. В. Новожилова, Т. А. Водичева, В. В. Соловьев, А. Б. Кузнецов, А. П. Черников	Отпечатано в филиале ОАО «ТОТ «Вышневолоцкая типография», Тверская обл., г. Вышний Волочек, ул. Екатерининская, 51	Адрес редакции: 171110, Тверская обл., г. В. Волочёк, Казанский пр-т, 63 Краеведческий музей	
			Подписано в печать по графику и фактически 27.01.2014 г. в 10.00	Зак. № Тир. 999.